

Софья Юдина

Родилась в 2001 г. в г. Химки, учится в Московской государственной консерватории на фортепианном отделении, лауреат международных музыкальных конкурсов, композитор. Стихи пишет с 15 лет, автор сборника стихов «И крик слепить из зябнущего слова» (2017), а также публикаций в поэтических сборниках «Эхо войны» (2022) и «Великий Блокпост. Антология донбасской поэзии 2014–2022 гг.». Финалист IX Всероссийского открытого фестиваля молодой поэзии им. Леонида Филатова «Филатов Фест».

Как и всюду, берёт непогода своё,
Но глаза голубые у звёзд,
Вечереет – и в гильзах стирают бельё,
Часовой заступает на пост,
Золотое кольцо или фото жены –
Здесь у каждого свой оберег,
А сегодня, за пару недель до зимы,
На позиции высыпал снег.
Первый снег. Косяки кружевных мотыльков
Над землёю встают на крыло,
Даже полюшко минное в триста шагов
Белым цветом теперь поросло,
У родного порога в заветрии лёг
На сугробы сосновый закат,
Вспоминает о доме и лепит снежок
Заржавевшей ладонью солдат.
Но встаёт на дыбы ледяная земля,
А потом ударяет в лицо,
Белый снег на ладони – чернее угля,
Золотое на пальце кольцо.
Досмотрели деревья военные сны:
Над воронкой – один сухостой,
Лишь однажды, за пару недель до зимы,
Прилетит мотылёк полевой,
Прилетит и морозцем коснётся щеки,
И тогда ты глаза подними:
В русском небе солдаты играют в снежки,
И смеются как дети они.

Был месяц май, а там, за косогором,
Была война, но вопреки всему
Ночами во дворы спускалось море,
И звёздный свет плескало за корму,
И рыбы плавники свои сушили
Над мачтами электропередач,
И шёл, вздымая волны млечной пыли,
Курносый месяц, маленький трубач,
Но неизменно там, за косогором,
Была война, срабатывал фугас,
И только небо, синее, как море,
И только небо связывало нас.
А я к тебе по небу посылала
Летучий флот бумажных кораблей
И каждую лодчонку целовала
Затем, чтоб ты нашёл меня по ней.
Ты получал, и вкладывал записки,
И по ветру обратно отправлял,
Светили сны да звёзды обелисков
Навстречу самодельным кораблям.
Ты каждый слог росой медвяной полнил,
Поил нектаром всех цветов земли,
Но вот однажды разыгрались волны –
И корабли обратно не пришли.
И я пошла туда, где косогоры
В свои ладони приняли войну,
Туда, где небо чёрное, как море,
И где снаряды пашут целину,
Где закалился, став святым и грешным,
Когда-то ты, не знающий тревог,
И я тебя нашла, нашла, конечно.
Глаза любви из тысячи дорог

Найдут одну, и я тебе сказала:
«Смотри, как непохожа на себя!
Смотри, какой большой теперь я стала,
Теперь, кораблик белый пригубя,
Оставлю только кровь, солёный ветер,
И по такому следу не найдёшь
И не узнаешь ты меня на свете».
И ты сказал: «Я тоже не похож,
За много лет я изменился тоже,
И от всего, что сердцем нёс сюда,
Осталась ты одна, всего дороже,
Осталась ты и чёрная вода.
И я тебя по чёрному по морю
В кораблике из белого листа
Пошлю домой, где только сны да зори,
И станешь ты прекрасна и чиста».

Был месяц май, а там, за косогором,
Который год не вспыхивал фугас,
И только небо, синее, как море,
И только небо связывало нас.

И станет ночь, и не видать ни зги,
Но в пору устоявшейся теплыни
В снегу затонут первые шаги,
И схлынет всё: и звук, и время схлынет,

И ты увидишь: в небе полынья,
А в ней морозный месяц на исходе,
И белая лосиная семья
На предрассветье из лесу выходит.

У жеребёнка губы в молоке,
У матери лозой обвиты ноги,
Отец выносит солнце на сохе,
Глаза у них нежны и лбы пологи,

Сплетенья рёбер – снежные хребты,
Густая шерсть – травы заиндевенье,
Ты отсчитай от времени рожденья,
Куда ведут их длинные версты,

За край земли, за звёздные поля,
Где лось-отец свою уронит ношу,
И ты от света яркого проснёшься,
И ты увидишь – в небе полынья.

Ему весну отправили письмом –
Он вскрыл конверт, и вылетела птица,
Светало долго-долго, а потом
Накрыло снегом майскую столицу.
И целый день под вьюгой тополей
Автомобили, белые медведи,
Ползли на север, к родине своей,
И шкуры их отсвечивали медью.
А он стоял, как саженец лугов,
Врастающий корнями в половицы,
Придумывал из тысячи слогов
То слово, что описывает птицу,
Её полёт, чтоб тоже полетать,
И голос, чтобы тоже доноситься,
И выдумал, и записал в тетрадь,
И свет оставил, чтобы возвратиться.

На кухне окна приоткрыты,
Туда влетает мошкара,
И звёзды, и метеориты,
И тянет морем со двора,
А мы с тобой неразрешимы,
Но не жалею, а подытожь,
Что, не замеченный другими,
К тебе зато приходит дождь
И сушит плащ на ручке двери,
Что третий год в саду твоём
Растут какие-то деревья,
А я не знаю их имён,
Что ветер в зарослях полынных,
А в банках прорастает лук,
Что шелест крыльев муравьиных –
Пронзительный и нежный звук.
А под подушкой фотоснимок
Мне до утра мешает спать,
Он весь белёсый от щербинок,
Но я боюсь его предать,
И я не спрашиваю, где ты,
Не потому, что знаю где,
А потому что все рассветы
Потухли в дождевой воде.
И я вычерпываю воду
И представляю, как во сне,
Одолевая непогоду,
Мой тихий, ты придёшь ко мне
И так по-будничному скажешь,
Что в кухне дует из окна,
И сына своего покажешь,
И дашь деревьям имена.

Если я не успею тебя отогреть,
Если море в тебе перестанет шуметь,
Повинуясь сердечному стуку,
Если выйдет из дрёмы создатель чудес,
И лохматую голову свесит с небес,
И протянет хозяйскую руку,
И поднимет мужицкой своей пятернёй
Над прошитой снарядами чёрной стернёй,
Если спросит, о ком ты молился,
Кулаком потрясая, боясь упустить
Заклинаний нехитрых истёртую нить,
За кого ты под пулями бился,
Ты ответишь: «Я землю худую жалел,
Чтоб она не досталась врагу на прицел,
Под его сапогом не горела.
Я касался её только беглой стопой,
А потом я зарылся в неё с головой,
Как в горячее мамино тело.
Я пронёс через смерть всё, чем жил на земле:
Золотую ромашку на хрупком стебле,
Завывание вешней метели,
Я Твои первозданные видел леса,
Я деревьев умел различать голоса:
О Тебе они, Господи, пели.
Я любил наблюдать, как послушны, легки,
Облетают по осени с веток листки,
Я ночные любил автострады,
Как на них в темноте зажигались огни
И на дальние звёзды глядели они.
Мне огромного мира не надо,
Только ту его часть, где из труб заводских
Тянет дымом и топят квартиры, а в них,

Ни минуты не зная покоя,
Месяцами порой дожидаясь вестей,
Наши жёны во сне на руках, как детей,
Нас выносят живыми из боя.
И одна среди них, та, что прячет глаза,
Что, краснея, как винная гнётся лоза
Под моею ладонью неловкой,
У которой дыханье реки на губах,
Та, которая чуть привстаёт на мысках,
Чтобы трепетно русой головкой
До меня дотянуться, а я навсегда
Улетел за Тобою, проходят года,
Там, внизу, пока, Господи Боже,
Мы с Тобой говорили всего только час,
Я готов умереть ещё множество раз
В этой тверди, которой дороже
Я не знал ничего». И суровый Господь
Улыбнётся, и сложит тройную щепоть,
И тебя не спеша перекрестит,
И ответит тебе, мол, лети на войну,
Я ошибся, я лет через сорок возьму
Тебя в небо на этом же месте.

И откроешь глаза, и пойдёшь по земле,
И поодаль лежащим в остывшей золе
Свой найдёшь автомат невредимый.
И нещадно орудья врага застрочат,
Но не дрогнет под пулями русский солдат,
Неповерженный, непобедимый.

Потом, к животу подбирая ноги,
В негреющую кровать
Ложилась, смотрела на месяц двурогий,
Откуда ей было знать,
Что он на побывку домой не заглянет,
Не постучится в дверь,
И станет ли с нею нежней, не станет –
Не всё ли равно теперь.
Что, даже пошитый из грубой житейской
Материи, на глазах
Он сделался огненной красноармейской
Звездой о пяти концах.
Но думалось ей, как она усадит
Его за семейный стол,
И долго шептала, на небо глядя:
«Полгода, как он ушёл,
Я верю, я знаю, что он спасётся,
Звезда надо мной стоит,
И сердце моё пятипалое бьётся,
И сердце моё горит».

Рыхлили нашу землю танки-бороны,
В который раз в облупленном окне
Я ночь крестила на четыре стороны,
Не ведая, в какой ты стороне.

В который день и час, зимой которою,
Полгода или сотню лет назад,
С тобой прощалось солнце краснопёрое,
Косые тени складывая в ряд.

Тогда, ступив с порога, на мгновение
Подталый след оставила нога,
И заучила втайне, на везение
Рисунок я с подошвы сапога.

С тех пор полгода или сотня минуло;
Ища твои пути по всей земле,
Однажды я сама без вести сгнула,
Навеки затерялась в той зиме.

Но расшумелись ветры непокорные,
И голову на звуки голосов
Я подняла, и вижу: небо чёрное,
А посреди – следы от сапогов.

И до зари кричали, звали вороны,
И я стояла, позабыв о сне,
Крестила небо на четыре стороны,
Не ведая, в какой ты стороне.

А утром ты сошёл путями звёздными
И, в набрызге светящейся пыли,
Сказал: не плачь, я ночевал у Господа,
Чтоб навсегда проснуться для земли.

И Земля расскребала больные бока-океаны
Об осеннюю стыль, через круг начинала вновь,
И на рыночной площади девочка в платье драном
По рядам побиралась, а звали её Любовь.

И задумался Бог, за кого бы пристроить такую,
На кого бы оставить, приглядывал чтобы за ней.
Размахнулся и кинул на русскую передовую,
Мол, держите, ребята, у вас она будет целей!

И хранили её эти люди в крови и саже.
Их позорили, били, кляли и сжигали дотла,
Но любовь отовсюду вставала, из смерти даже,
Или не было смерти, а только любовь была.